

КУЛЬТУРА

Т.Е. ОСИПОВИЧ

Победа над рождением и смертью, или Женофобия русской утопической мысли на рубеже XIX-XX веков

Философия издавна считалась сугубо мужским занятием: философы, преподаватели философии и авторы, пишущие о философских науках, почти все без исключения были мужчинами. Долгое время на факт "маскулинизации" науки не обращали внимания. Предполагалось, что философское познание объективно и универсально и его познающим субъектом является *homo sapiens* — разумный человек, пол которого к поиску философской истины не имеет никакого отношения.

О "сексизме" философов и их теорий заговорили относительно недавно. В 1970-х и в начале 1980-х годов феминистская мысль Северной Америки и Западной Европы начала серьезную переоценку философских канонов. Скрупулезному анализу были подвергнуты теории Платона, Аристотеля, Р. Декарта, И. Канта, Гегеля, Ф. Ницше и многих других классиков философской мысли. Наиболее продуктивным, на мой взгляд, оказался подход, который не просто обнаруживал "сексизм" того или иного философа, но устанавливал непосредственную связь между самой сущностью философской концепции и женофобией ее автора. Так, было доказано, что негативное мнение Канта о женщинах имеет самое непосредственное отношение к его теории Красоты. Найдена была связь между маскулинистским определением семьи у Гегеля и его идеей "мирового духа". Обратили внимание и на странные высказывания Ж.-П. Сартра о женских "пустотах" и женской "аморфности". В связи с этим был задан вполне правомерный вопрос: а не является ли философия, какой мы ее до сих пор знаем, "мужской" (маскулинистской) наукой, выражающей прежде всего интересы так называемого сильного пола?

Наиболее полный и четкий ответ дала на этот вопрос Э. Сиксу, автор ставшей классикой феминизма книги "Вновь рожденная женщина" (1975). Являясь последовательницей французских теоретиков Ж. Лакана и Ж. Деррида, Сиксу в своем подходе к культурно-философской традиции применила их концепцию "фаллоцентризма". Объединяя понятия фаллоса и логоса, "фаллоцентризм" означает логическую установку на приоритет мужского начала над женским и вытеснение женского голоса из реального многоголосия текстов культуры. Сиксу продемонстрировала, что в основе философских (да и не только философских) логических построений лежит принцип иерархического дуализма, когда мир воспринимается как оппозиция двух неоднозначных и неравноценных величин, находящихся между собой в отношении постоянного конфликта: дух/материя, активность/пассивность, культура/природа, разум/чувство, сознание/плоть, мужчина/женщина. Как нетрудно заметить, все эти оп-

О с и п о в и ч Татьяна Емельяновна — профессор русского языка и литературы в колледже Луиса и Кларка, США.

позиции имеют самое непосредственное отношение к закрепленным в культуре гендерным различиям, где "мужское" ассоциируется с положительными категориями (дух, сознание, активность и т.д.), а "женское" - с отрицательными (природа, плоть, пассивность и т.д.). То есть сексистское отношение к женщине присутствует в структуре самого языка. Вот почему Сиксу считает, что философия "построена на предпосылке унижения женщины" и философский дискурс, задавая тон для других дискурсов, закрепляет отношения власти и подчинения между полами в культуре в целом [1, р.64].

Настоящая статья - это попытка начать переоценку русской философской традиции, до сих пор игнорируемой феминистскими авторами. Предметом исследования являются утопические идеи Н. Федорова, В. Соловьева и Н. Бердяева - русских мыслителей конца XIX - начала XX века, "потребовавших" победы человека над смертью и создания нового сверхприродного существа. Конкретное видение идеала у философов было различно: Федоров мечтал о воскрешении мертвых, Соловьев - о мистическом союзе с вечно женственным, Бердяев - об андрогинном "Новом Адаме". Однако все трое настаивали на победе человека над смертью и главным препятствием в достижении этой мечты считали саму природу, ее рождающую половую стихию, т.е. женщину.

Атака Федорова, Соловьева и Бердяева на природу, пол, рождение и смерть была, по существу, атакой на женщину. В метафизическом плане она выражалась в том, что "природно-женское" объявлялось злом, "злой женственностью", которую нужно "преодолеть", а в социальном - в нападениях философов на материнство и женское равноправие. Как известно, идеи Федорова, Соловьева и Бердяева сыграли значительную роль в истории русской культуры XX века, а потому выявление их отношения к женщине исключительно важно. Ведь, как справедливо замечает Сиксу, задавая тон для других дискурсов культуры, философия не только "воспроизводит идеи", но и "создает ценности", закрепляет их в культуре как таковой [1, р. 65].

Природа - "злая женственность"

Бинарная оппозиция, в которой женщина объявлялась неразумной природой, а мужчина - "собственно человеком", составляла основу русской утопической мысли, потребовавшей создания бессмертного сверхприродного существа. В "Оправдании добра" Соловьев писал: "Женщина есть сосредоточенная сущность целой природы, а мужчина... есть носитель деятельности собственно человеческой, определяемой безусловным смыслом жизни" [2, с. 454]. Эту же мысль решительно подтверждал Бердяев в "Смысле творчества". "Женщина, - писал он, - существо совсем иного порядка, чем мужчина. Она гораздо менее человек, гораздо более природа" [3, с. 254]. Это "азбучное", по выражению Соловьева [4, с. 41], положение о фундаментальной разнице полов не только закрепляло отношение превосходства и власти мужского начала над женским, но и предвещало гибель женско-природного, ибо русские утописты объявляли ему войну.

Особенно бескомпромиссным в этом плане был Федоров. В "Философии общего дела" он называл природу силой "слепой", "смертоносной и саморазрушительной" [5, с. 159], которая ни к чему, кроме смерти, привести не может. Причем больше всего ненавидел философ одну специфическую функцию женщины-природы, а именно воспроизводительную. Федоров писал: "Нужно прежде всего признать, что никакими общественными перестройками судьбу человека улучшить нельзя: зло лежит гораздо глубже, зло в самой природе, в ее бессознательности, зло в самом рождении и связанной с ним смерти" [5, с. 407]. Характеризуя рождение как "бессознательное, невольное и слепое" [5, с. 142], философ призывал обратить его "в сознательное, светлое, действительное, всеобщее, личное воскрешение" [5, с. 164]. Другими словами, вменяемое в вину женщине-природе воспроизведение смертного человека Федоров мечтал заменить созданием бессмертного существа. Мужчина-человек должен был

окончательно победить женщину-природу, заменив ее воспроизводительную функцию "общим делом" воскрешения всех умерших.

Как и Федоров, Соловьев в "Смысле любви" обрушивался на "бессознательную" природу, характеризуя ее законы не иначе как "дурные". Подобно Федорову, он видел главное зло физической жизни в воспроизводительной функции природы. Одну из пяти статей "Смысла любви", т.е. практически всю первую главу, философ посвятил вопросу размножения в мире растений, насекомых, рыб, млекопитающих и человека, чтобы доказать: "половая любовь и размножение рода находятся между собой в *обратном отношении*: чем сильнее одно, тем слабее другая" [4, с. 4]. И хотя непонятно, о какой любви растений и рыб может говорить здесь философ, вывод его псевдонаучных размышлений ясен: размножение (а у человека деторождение) обратно пропорционально любви. Другими словами, аргументация Соловьева обнаруживает характерную для культурно-философской традиции дихотомию, в которой "природно-женское" и "собственно человеческое" (т.е. мужское!) принадлежат противоположным ценностным полюсам.

Согласно Соловьеву, ассоциируемое с женщиной-природой деторождение и испытываемая "собственно человеком" половая любовь - величины не только обратно пропорциональные, но и противоположно направленные. Философ считал, что любовь как "сила духовно-телесного творчества" обращена *внутрь*, на преобразование самого человека, а деторождение как сила природно-животная "обращена наружу", и она "производит дурную бесконечность физического размножения организмов" [4, с. 60]. Как и Федоров, Соловьев мечтал о покорении женско-природного воспроизводства созданием нового бессмертного Человека.

В отличие от Федорова Соловьев верил в мистическое преобразование человеческой плоти под воздействием половой любви. Он считал, что могучая воспроизводительная сила природы должна быть направлена *внутрь*, на преобразование самой природы и на изменение природной сущности человека. Философ полагал, что именно в результате превращения силы внешней во внутреннюю будет создана новая одухотворенная плоть, не знающая ни смерти, ни рождения. В "Оправдании добра" об этом говорилось так: "Одухотворенная работа человека над своей телесностью и над земною природой окажет свое благотворное воздействие назад, (...) когда смерть станет невозможностью не только для живущих, но и для умерших" [2, с. 453], а "деторождение делается и ненужным, и невозможным" [2, с. 455].

В "Смысле творчества" Бердяев полностью принял идею Соловьева о том, что творческо-духовное противоположно природно-рождающему, а вернее, что два феномена "находятся между собой в *обратном отношении*, чем сильнее одно, тем слабее другое". Бердяев слегка изменил соловьевскую формулу, соответственно заменив в ней любовь творчеством. В новом варианте связь между природно-женским и духовно-мужским выражалась так: "Наиболее рождающий - наименее творящий. Рождение отнимает энергию от творчества" [3, с. 236]. А отсюда и мечта Бердяева о суперсублимации, о "наступлении творческой мировой эпохи", когда "творчество победит рождение, личность - род, связь по Духу - природную связь по плоти" [3, с. 237]. Возможным тогда окажется и федоровское воскрешение мертвых. Таким образом, природно-женское, а точнее, осуществляемое через женщину рождение в русской утопической мысли объявлялось главным препятствием на пути духовно-созидательных преобразований мужчины-человека. Федоров видел в нем силу, противоположную воскрешению, Соловьев - любви, Бердяев - творчеству. Все три философа призывали к борьбе с "неразумной" природой ("злой женственностью"), пророчили гибель материнства и провозглашали культ *новой женственности*.

Гибель материнства, или Новая женственность

Объявив воспроизводительные силы женщины-природы корнем всех зол, русская утопическая мысль не могла не атаковать материнство как таковое. И опять наиболее неистовым в своих атаках на мать был Федоров. В "Философии общего дела" он разделил всех женщин на два типа. К первому, самому многочисленному, он причислил женщин-матерей. Федоров писал, что в этом типе "преобладает, можно сказать, исключительно властвует чадолюбие, способное воздвигнуть и вскормить не людей, а деспотов; тип этот очевидно низший, чувственный, нетерпимый, которого весь мир ограничивается детской" [5, с. 412]. Ко второму, весьма малочисленному, но значительно более уважаемому типу философ отнес Антигон и Карделий, т.е. женщин, добродетелью которых является "отцелюбие".

Само слово "отцелюбие", употребленное по отношению к женщине, вызвало в Федорове откровенно женофобский комментарий. Он писал: "Недостаток слова для выражения этой добродетели (если только нет такого слова) доказывает, кажется, что класс этот (т.е. женщин, любящих отцов. - *Т.О.*) немногочислен" [5, с. 412]. В своем пренебрежении к женщине философ, по-видимому, забыл, что "отцелюбие" может (а по его логике обязано) быть добродетелью не только женской, но и мужской, а потому малоупотребляемость слова нельзя ставить в вину одной лишь женщине.

Не удивительно, что в своем проекте о воскрешении мертвых Федоров, как правило, говорил о воскрешении "отцов" "сыновьями", вспоминая о женах и матерях крайне редко. Может даже создаться впечатление, что универсальное физическое воскрешение, о котором мечтал философ, относится лишь к мужской половине человечества, но это не совсем так. Федоров предполагал воскрешать ненавистных ему чадолюбивых матерей (как, впрочем, и другие категории людей типа убийц, насильников и каннибалов), однако был уверен, что в обществе сохранятся половые различия, но не будет ни половых отношений, ни деторождения: "Половое чувство и рождение - это остаток животного состояния, которое уничтожится" [5, с. 149]. Другими словами, Федоров мечтал о том, что вместо существующих отношений между мужчиной и женщиной, мужем и женой будет создан трудовой союз сыновей и дочерей, воскрешающих своих умерших отцов.

Понимая, однако, что преждевременный отказ от рождения (до того момента, как будет достигнуто бессмертие и воскрешены все мертвые) приведет к самоубийству рода, философ настаивал на так называемом положительном целомудрии. Под этим он имел в виду брачные отношения между мужчиной и женщиной, которые "наиболее пробуждают деятельность друг в друге и наименее - чувственное влечение" [5, с. 409]. Федоров также требовал, чтобы рождение в таком браке было "очищено, сколько возможно, от всякой похоти", и душа оставалась бы "до и после рождения приснодевственной". Согласно философу, прогресс такого брака должен заключаться "в постепенном уменьшении чувственной любви и увеличении деятельности", а в конечном счете - в замене рождения воскрешением... [5, с. 410].

Таким образом, в мир утопических грез Федорова могла войти только "кастрированная" женщина, освобожденная от каких-либо сексуальных желаний и неспособная рожать. Неясно, однако, почему философ настаивал на половом различии в своем идеальном человечестве. По-видимому, оно было связано с разделением труда между полами, которое философ намеревался сохранить. "Воскрешение не есть дело (результат) одного ума и даже воли, - писал он в своем трактате, - оно есть результат также и чувства, откуда и следует, что участие женского элемента в деле воскрешения составляет необходимость" [5, с. 412]. Философ считал, что женский труд, не требующий особого ума или воли, будет необходим в процессе собирания праха умерших, а также на последних этапах воскрешения, когда телам и лицам нужно будет придать отобранную смертью молодость и привлекательность. Другими словами, резко осуждаемое Федоровым пристрастие современных женщин к косметике неожиданно находило прагматическое применение в его проекте будущего воскрешения мертвых.

В отличие от Федорова Соловьев и Бердяев не только не настаивали на сохранении половой раздельности в своих построениях идеального будущего, но, напротив, требовали создания нового андрогинного существа. В "Смысле любви" Соловьев писал: "Пребывать в половой раздельности - значит пребывать на пути смерти" [4, с. 33]: "истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих" [2, с. 24]. Важно отметить, однако, что требование высшего единства мужского и женского вовсе не означало того, что Соловьев признавал ценность реальной женщины или хотел, чтобы мужчина усвоил некоторые "женские" добродетели, а женщина — "мужские". Под высшим единством философ понимал мистический союз нового целомудренного человека (мужчины) с божественной вечной женственностью. Оба понятия, как всеединства, так и вечной женственности, к реальному отношению полов не имели никакого отношения. Об этом Соловьев писал в предисловии к сборнику своих стихов: " 1. Перенесение плотских, животнo-человеческих отношений в область сверхчеловеческую есть величайшая *мерзость*. 2. Поклонение женской природе самой по себе, т.е. началу двусмыслия и безразличия, восприимчивому ко лжи и злу не менее, чем к истине и добру, есть величайшее *безумие*... 3. Ничего общего с этой глупостью и той мерзостью не имеет истинное почитание вечной женственности" [6, с. 72].

В дополнение к этой весьма недвусмысленной характеристике женской природы стоит добавить, что в своей теории небесной всеобъединяющей любви Соловьев полностью исключил женщину как возможный субъект эротических отношений. На эту странную особенность соловьевской теории любви впервые обратил внимание Бердяев. Он писал: "Против Соловьева можно было бы только возразить, что это слишком мужская философия и религия. Для женщины эротическое отношение к Божеству должно окрашиваться в цвет культа Вечной Мужественности. Не обращается ли Божество разными своими сторонами к разным человеческим полам?" [7, с. 241].

Остается непонятным, почему Соловьев "забыл" обсудить любовь женщины к вечно мужественному. Как можно предположить, философ считал, что женщина-природа слишком вовлечена в "животное" воспроизводство и свои любовные потенции расходует не на возвышенную любовь к вечно мужественному, а на своих детей.

По мнению автора "Смысла любви", любовь матери к своему ребенку "по силе чувства и по конкретности предмета приближается к любви половой", но в то же время не имеет равного ей значения, потому что "обусловлена фактом размножения" [4, с. 20]. Согласно философу, материнская любовь управляется законами животного мира, "бессмысленной" "сменой поколений" и "мнимым признанием безусловного значения за другим", обусловленным лишь "внешнею *физиологической* связью" ("*не иначе, чем у прочих животных*"). Сравнение с животным миром присутствует даже в попытках Соловьева сказать о матери что-то положительное, как, например, в следующем утверждении: "Материнская любовь в человечестве, достигающая иногда до высокой степени самопожертвования, какую мы не находим в *любви куриной*, есть остаток, несомненно, *пока* необходимый" (выделено мной. - *Т.О.*) [4, с. 21]. Пренебрежительный тон и унижительный для женщины-матери смысл этого утверждения очевидны.

В отличие от Соловьева Бердяев в "Смысле творчества" пытался внести большую ясность в концепцию будущего андрогинного человечества. Соловьевский культ вечной женственности его не устраивал. По мнению философа, идея вечной женственности хотя и открывала "путь к освобождению от злой, порабащающей женственности" [3, с. 240], но еще не раскрывала тайны нового человека.

Бердяев верил, что будущий человек должен преодолеть унижительную для него власть рождающей женщины-природы и утвердить новый "культ Девы, рождающей лишь от Духа". Он писал: "Человек, привязанный к Еве рождающей, стал рабом природы, рабом женственности. Избавление возможно лишь через нового Адама, кото-

рый входит в мир через новую женственность. Через женщину-Еву началась греховная власть женственной природы над падшим человеком. Через деву Марию началось освобождение человека от этой природной власти" [3, с. 226, 227].

Бердяев подвергал атаке не только женственность как метафизическую категорию, но и вполне реальную женщину. Он считал, что женщина - это "носительница половой стихии", что "в ней нет ничего не сексуального" [3, с. 226], в ней "нет личности" [3, с. 220], "женщины лживее мужчин", в них "есть необыкновенная способность порождать иллюзии, быть не такими, каковы они на самом деле" [8, с. 89], "в стихии женской любви есть что-то жутко страшное для мужчины, что-то грозное и поглощающее, как океан" [3, с. 255].

В противовес Соловьеву Бердяев прямо заявлял, что смысл любви "заложен в культе мужской любви", что "женщина редко являет собой тот образ красоты, перед которым можно преклониться, который можно боготворить", а "потому высший, мистический смысл любви не в поклонении женщине", а в соединении целомудренных ипостасей мужского и женского в андрогинной "деве-юноше" [3, с. 256].

Отрицание рождающего женского пола и утверждение культа девственного андрогина означали гибель женщины, материнства и природного мира. "Для грядущей мировой эпохи и для новой мировой жизни, - пророчил Бердяев, - женственность утверждается в аспекте девственности, а не материнства. Весь мировой кризис заостряется в роковой гибели материнства, а тем самым и материи. Наступает футуристически-технический конец религии рода, религии материнства и материи, и нет сил охранить и предотвратить от гибели родовую, материнскую, материальную органическую жизнь" [3, с. 240].

Разумеется, ни Федоров, ни Соловьев, ни Бердяев в охране материнства и предотвращении от гибели родовой жизни заинтересованы не были. Напротив, победа над природой и женщиной были главным условием осуществления их мечты.

Атака на женское освободительное движение

Враждебность русской утопической мысли к женщине и женственности сочеталась с резкими нападками философов на женское освободительное движение, которое к концу XIX века с уверенностью заявило о своем существовании. Федоров назвал это движение "анормальным и тератологическим явлением", в основе которого "лежит глубокое презрение к женщине" [5, с. 413]. По мнению философа, стремление женщины к эмансипации связано с искусственностью городской жизни, в которой женщина ищет равноправия в юридическо-экономических сферах. Однако приобретение подобных прав, согласно Федорову, не составляет идеала даже для мужчин, а в случае с женщинами оно просто опасно. "Если бы и женщина сделалась участницею жизни юридико-экономической, - писал философ, - тогда можно было бы сказать, что конец близок" [5, с. 413]. Непонятно, предрекал ли здесь Федоров конец лишь своего проекта или всего мироздания. Скорее всего, он имел в виду и то и другое.

Согласно Федорову, женщины имеют слишком много власти и без эмансипации. Они подчинили себе современную западную цивилизацию, легкая промышленность которой работает на них, создавая дорогие одежду, косметику и украшения. А западная культура развлекает и убажает их. Об этом философ писал в статье о Всемирной выставке в Париже в 1889 году. Федоров предложил сделать символом этой выставки женщину, заметив, что нечто подобное уже было осуществлено раньше на менее крупной выставке в России, когда у входа в выставочный зал была воздвигнута фигура женщины с зеркальцем в руках. Философ обвинил женщину не только в эксплуатации достижений цивилизации для своих эгоистических целей, но также и в том, что она "заставила" и мужчину быть ей подобным. Он писал: "Женщина, пользуясь всеми произведениями фабрик и заводов для соблазна мужчин, заставляет и сих последних пользоваться произведениями тех же фабрик и заводов, чтобы в свою очередь путем соперничества друг с другом действовать на нее, на жен-

щину" [5, с. 447]. Иначе говоря, Федоров считал, что "блудные дочери" подчинили себе "блудных сынов", заставили их забыть о своих "умерших отцах".

В отличие от явного антифеминиста Федорова, Соловьев и Бердяев пытались несколько облагородить свое неприятие женского освободительного движения. Перед тем как начать свою атаку на феминизм, они всегда признавали справедливость женского протеста и требования равноправия между полами. Однако их последующая критика движения женщин за эмансипацию мало чем отличалась от федоровских женофобских атак. В небольшой статье, озаглавленной "Женский вопрос", Соловьев характеризовал стремление женщин к эмансипации как "жалкое и комическое". Как Мария Магдалина, разъясняя философ, прежде чем найти Христа, прошла через семь бесов, так и теперь женщины попали под власть семи бесов - семи ложных идей своего времени. Эти идеи, по мнению Соловьева, нашли свое выражение в модной идее "свободной любви", в политизации требований равноправия, в "обожещении" естествознания, во внешнем "опрошении", а также в практике безбрачия, "экономического материализма" и "эстетического декаденства" [9, с. 84; 10]. Соловьев предложил свою альтернативу этим соблазнам феминизма - "осмысленное и оживотворенное" христианство.

В своей критике феминизма Бердяев был воинственнее Соловьева. В "Смысле творчества" он заявлял, что идея женской эмансипации покоится на женской зависти. "Женщина, - писал философ, - механическим подражанием, из зависти и вражды, присваивает себе мужские качества и делается духовным и физическим гермафродитом, т.е. карикатурой, лжебытием". И хотя женская эмансипация лучше "лицемерного принуждения в старой семье, но в ней нет нового человека и новой жизни", нет андрогина [3, с. 238]. Интересно, что еще раньше, в "Метафизике пола и любви", Бердяев обвинил феминизм в "обезьянничестве", в унижении женского достоинства, в принижении высшего назначения женщины [1, с. 250], которое видел тогда в воплощении идеи вечной женственности. В "Смысле творчества", где отношение к вечной женственности уже изменилось к худшему, философ обвинил феминизм в "гермафродитическом уродстве", в непонимании "красоты андрогинической". Философ так нигде и не объяснил, как он представляет себе интеграцию мужского и женского в своем идеальном андрогине, но был абсолютно уверен, что желание женщины усвоить некоторые мужские качества является "уродством" [3, с. 238].

* * *

На рубеже XIX-XX веков, когда передовые силы России потребовали женской эмансипации и равенства полов, русские философы Федоров, Соловьев и Бердяев женского освободительного движения не поддержали. Напротив, приняв установку традиционной маскулинистской культуры на приоритет мужского начала над женским, они обрушились с атакой на женщину и "злую женственность", в которых видели главное препятствие для осуществления своей мечты о совершенном бессмертном человечестве. Особым нападкам была подвергнута воспроизводительная функция женщины, воспринимаемая как сила, противоположная творческо-созидательной деятельности мужчины-человека, а потому якобы враждебная усилиям человечества преодолеть смерть.

И хотя концепция о второстепенности женского начала по отношению к мужскому была присуща всей западной философско-культурной традиции, русские философы-утописты оказались значительно более радикальными в своей критике "женских" природных сил, рождения в первую очередь. Известную в философско-мифологической традиции идею о связи рождения со смертью они возвели в некий абсолют, поверив, что победа над смертью и рождением - по сути одно и то же. "Пока человек размножается как животное, он и умирает как животное", - категорично утверждал Соловьев [4, с. 33]. Ему вторил Бердяев, заявляя, что "победа над рождающим сексуальным актом будет победой над смертью" [3, с. 332].

За ненавистью русских философов к рождению была скрыта ненависть к рождающей женщине, к матери. И хотя о личном опыте русских философов известно немного, но то, что известно о Федорове и Бердяеве, указывает на сложность их отношений с матерью. Федоров был незаконнорожденным сыном дворянина и крепостной. В раннем детстве он пережил сильнейшую психологическую травму, когда его мать с детьми была изгнана из семейства богатого покровителя - отца Федорова. Не отсюда ли испытываемый философом "стыд рождения" и поиск настоящего отцовства через акт воскрешения предков? Бердяев в автобиографическом "Самопознании" признавался, что всегда имел "очень слабое чувство сыновства". Он писал: «Мне ничего не говорило "материнское лоно", ни моей собственной матери, ни матери-земли... Я никогда не ощущал, что родился от родителей. Нелюбовь ко всему родовому - характерная моя особенность" [8, с. 12].

Возможно, личная детская травма отношений с матерью сыграла свою роль во взрослых фантазиях философов о совершенном человечестве, в котором для женщины-матери не могло быть места. В любом случае психологически обоснованная или необоснованная атака русских философов-утопистов на женщину и материнство сыграла реакционную роль в истории русской культуры XX века и во многом определила трудную судьбу женского освободительного движения в современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Cixous H. "Sorties" // Cixous H., Clement C. The Newly Born Woman. Minneapolis, 1986.*
2. *Соловьев В.С. Оправдание добра // Собр. соч. Т. 8. Брюссель, 1966.*
3. *Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. Париж, 1985.*
4. *Соловьев В.С. Смысл любви (1892-1894) // Собр. соч. Т. 7. Брюссель, 1966.*
5. *Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.*
6. *Мочульский К. Владимир Соловьев: жизнь и творчество. Париж, 1978.*
7. *Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Русский эрос или философия любви в России. М., 1991.*
8. *Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). Париж, 1983.*
9. *Соловьев В.С. Женский вопрос // Собр. соч. Т. 8. СПб., 1903.*
10. *Рябов О.В. Женщина и женственность Серебряного века. Иваново, 1997.*

© Т. Осипович, 1998